

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.059-074

Л. К. Бондаренко*

Основные признаки двойственности положения специалиста в уголовном судопроизводстве

Аннотация. Рассматривается проблема функционирования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Посредством синхронизации институтов уголовного процесса, регулирующих правоотношения сведущих лиц, и института уголовного права, регламентирующего ответственность данных участников при совершении преступления против правосудия, выявляется асимметрия прав и обязанностей специалиста. Предметом исследования являются противоречия между институтами процессуального и материального права, а именно несоответствие процессуального комплекса (прав, обязанностей, функций) специалиста мере несения им уголовной ответственности. С этой целью проводится сравнение прав и обязанностей сведущих лиц, исходя из критериев: а) объем процессуальных функций; б) специфичность процессуальных прав и обязанностей; в) актуальные формы специальных знаний, приемлемые в качестве доказательств. На основе выявленных противоречий исследуется ситуация состязательности специальных знаний, определяется юридическая значимость форм специальных знаний. Предлагается системное решение: 1) уточнить процессуальный статус специалиста: добавить определение «судебный специалист» в ст. 58, 61, 71, 74, 80, 164, 168, 251, 270, 271 УПК РФ; 2) уточнить гносеологические аспекты исследовательских функций специалиста согласно ч. 3.1 ст. 74, ст. 80, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ; 3) создать механизм ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения (внести в ст. 58 УПК РФ часть 5 по аналогии с ч. 5 ст. 57 УПК РФ, дополнить текст ч. 1 ст. 144 УПК РФ, скорректировать содержание ст. 307 УК РФ) либо освободить специалиста от уголовной ответственности за высказанное им мнение (даже если оно заведомо ложное). Доказывается, что предложенные меры будут способствовать состязательности доказательств, повысят субъективную ответственность специалиста за данное им заключение, что соответствует институту доказательства.

Основными методами исследования являются: общенаучные методы, обзор и анализ законодательных источников, контекстуальный метод, семантический анализ и формально-логический анализ.

Ключевые слова: уголовный процесс; эксперт; специалист; судебный специалист; правовая асимметрия; процессуальный статус; процессуальные функции; формы специальных знаний; заключение эксперта; заключение специалиста; институт ответственности.

Для цитирования: Бондаренко Л. К. Основные признаки двойственности положения специалиста в уголовном судопроизводстве // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 10. — С. 59–74. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.059-074.

© Бондаренко Л. К., 2021

* Бондаренко Людмила Константиновна, доктор философских наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

ул. Леваневского, д. 187, г. Краснодар, Россия, 350002

sichaykin@mail.ru

The Main Signs of the Duality of the Specialist Position in Criminal Proceedings

Lyudmila K. Bondarenko, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Criminal Procedure Law, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice
ul. Levanevskogo, d. 187, Krasnodar, Russia, 350002
sichaykin@mail.ru

Abstract. The author examines the problem of the special knowledge functioning in criminal proceedings. By synchronizing the institutions of the criminal procedure that regulate the legal relationship between the knowledgeable persons and the institution of criminal law regulating the responsibility of these participants in the commission of a crime against justice, the author demonstrates asymmetry between the rights and duties of a specialist. The subject of the study is constituted by the contradictions between the institutions of procedural and substantive law, namely, the discrepancy between the procedural complex (rights, duties, functions) of a specialist to the course of his criminal responsibility. For this purpose, a comparison is made between the rights and obligations of knowledgeable persons, based on the criteria of: a) the scope of procedural functions; b) the specificity of procedural rights and obligations; c) actual forms of special knowledge acceptable as evidence. On the basis of the revealed contradictions, the situation of competitiveness of special knowledge is investigated; the legal significance of the forms of special knowledge is determined. The author proposes a systematic solution, namely: 1) to clarify the procedural status of a specialist: to add the definition of “forensic specialist” to Art. 58, 61, 71, 74, 80, part 4 of Art. 164, art. 168, 251, 270, 271 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; 2) to clarify the epistemological aspects of the research functions of a specialist in accordance with Part 3.1 of Art. 74, art. 80; Part 1.2 of Art. 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; 3) to establish a mechanism for the responsibility of a specialist for giving a deliberately false opinion: to add to Art. 58 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, part 5 by analogy with part 5 of Art. 57 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; to supplement the text of Part 1 of Art. 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; to correct the content of Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. Or release the specialist from criminal liability for the opinion expressed by him (even if it is deliberately false). The author proves that the proposed measures will promote adversarial evidence, increase the specialist’s subjective responsibility for the conclusion given by him, which corresponds to the institution of proving.

The main research methods are: general scientific methods, review and analysis of legislative sources, contextual method, semantic analysis and formal logical analysis.

Keywords: criminal procedure; expert; specialist; forensic specialist; legal asymmetry; procedural status; procedural functions; forms of special knowledge; expert opinion; expert opinion; institution of responsibility.

Cite as: Bondarenko LK. Osnovnye priznaki dvoystvennosti polozheniya spetsialista v ugovnom sudoproizvodstve [The Main Signs of the Duality of the Specialist Position in Criminal Proceedings]. *Lex russica*. 2021;74(10):59-74. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.059-074. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Проблема процессуального взаимодействия специалиста с участниками судопроизводства связана с комплексом других проблем. Например, двойственность процессуального статуса источников доказательств: заключения специалиста и его разъяснений, пояснений (ч. 1 ст. 58, ч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ¹) и консультаций специалиста (ч. 2 ст. 55.1 АПК РФ²); неэффективность

применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве; правовая асимметрия в отношении прав и обязанностей специалиста и его процессуального статуса. В силу невозможности их разрешения в рамках действующего процессуального законодательства данные явления приобрели (и в доктринальном, и в ортодоксальном смысле) инерционный характер, что, как представляется, противоречит развитию института состязательности доказа-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

тельств. В этой связи возникла необходимость рассмотрения этого явления с прагматической точки зрения.

Тема процессуального положения сведущих лиц, главным образом процессуальных функций специалиста, является довольно распространенной в российской юридической науке. Это можно проследить на примере публикаций (в монографиях, научных сборниках и научных журналах)³ начиная с 2000-х гг., практически с момента введения специалиста в качестве самостоятельного участника судопроизводства в УПК РФ⁴. Вопросы процессуального взаимодействия сведущих лиц между собой и с иными участниками судопроизводства находились в фокусе внимания теоретиков и практиков процессуального права и теории судебной экспертизы на протяжении длительного периода. Этому посвятили свои исследования Т. Ю. Маркова, В. Вологина, Е. П. Гришина, В. Н. Махов, И. В. Овсянников, Н. А. Терновский, Ю. В. Францифоров, И. Н. Чеботарева, С. А. Шей-

фер, В. А. Лазарева, А. В. Чарыков и др. Тема состязательности специальных знаний также отражена в учебной и научно-практической литературе: у Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной, Т. Ф. Моисеевой. Например, у Е. Р. Россинской и Е. И. Галяшиной⁵ отмечается, что, исходя из критерия научной значимости проведенного исследования, результаты судебной экспертизы гораздо весомее заключения специалиста. Данную позицию поддерживают также другие процессуалисты и теоретики судебной экспертизы, например Е. А. Зайцева⁶ (хотя в ст. 74 УПК РФ на это прямо не указывается).

Несмотря на кажущуюся исчерпанность данной темы, к ней вновь обращаются теоретики, а также практики — следователи, адвокаты, но уже на основе анализа современного судопроизводства. Их привлекает проблема соотношения заключения и показаний эксперта и заключения и показаний специалиста в условиях реального судопроизводства⁷.

³ Давлетов А. А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 47–48; Орлов Ю. К. Специалист в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 12–26; Зайцева Е. А. Процессуальный статус специалистов и иных сведущих лиц в современном уголовном судопроизводстве // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 3. С. 77–86; Юсупкадиева С. Н. К вопросу о назначении судебной экспертизы в досудебном производстве // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI Международной научно-практической конференции, 19–20 января 2017 г. М.: Проспект, 2017. С. 535–540.

⁴ См.: Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы: Судебная экспертология: учебник. М.: Норма, Инфра-М, 2016. 368 с.

⁶ Зайцева Е. А. Указ. соч. С. 77–86.

⁷ Байков Ю. Ф. Заключение и показания специалиста как форма использования специальных знаний в состязательном уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 9. С. 63–70; Каторгина И. П. О разграничении судебной экспертизы, предварительных исследований и консультаций специалиста в уголовном судопроизводстве // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). Вып. 22. С. 199–203; Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 359 с.; Пьянзина Е. В. Проблематика использования справки о предварительном исследовании изъятых веществ в качестве вещественного доказательства по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Государство и право. Юридические науки. Серия: Право. 2012. Вып. 31. С. 65–68; Сидоренко О. В. Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 119–122; Семенов Е. А. Специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного показания: упущение законодателя или вызванная необходимость? // Наука и практика. 2014. № 3 (60). С. 92–94; Сергеева О. С. К вопросу о процессуальных полномочиях специалиста в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 4. С. 105–112; Соловьев С. А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 17–22; Толстухина Т. В. Соотношение понятий и статуса «заключение эксперта» и «заключение специалиста» // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI Международной научно-практической конференции, 19–20 января 2017 г. М.: Проспект, 2017.

Проблему процессуального статуса суждений специалиста до возбуждения уголовного дела исследовали процессуалисты, эксперты и адвокаты⁸. Так, адвокаты отмечают проблему процессуального взаимодействия специалиста с иными участниками процесса и в первую очередь — отсутствие регламента взаимодействия специалиста и защитника. В большинстве случаев они указывают на невозможность легализации акта экспертного исследования стороной защиты⁹.

Обращает на себя внимание позиция практических работников по отношению к проблеме процессуального соотношения судебной экспертизы и заключения (несудебного) специалиста. Так, в свете развития процессуального права в сторону состязательности заключение (несудебное) специалиста воспринимается ими как метод оспаривания результатов судебной экспертизы¹⁰.

В некоторых случаях практики, продвигающие несудебные рецензии, ссылаются на ст. 188 ГПК РФ¹¹ и ст. 55.1 АПК РФ. Однако если внимательно прочесть статьи данного закона, то можно заметить, что в них регламентируется

деятельность специалиста, имеющего процессуальный статус. О рецензенте (внешнем) или рецензии в данных статьях ничего не сказано. Действительно, в ст. 188 ГПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ и ст. 58 УПК РФ предусматривается возможность участия специалиста в процессе оценки результатов судебной экспертизы, но это имеет отношение к назначенному следствием или судом специалисту. В этом плане более объективны исследования адвокатов, столкнувшихся с данной проблемой в условиях реального судопроизводства¹², и сотрудников МВД¹³, которые сетуют на невозможность процессуального оспаривания результатов экспертизы, а также не принимают во внимание судом результатов несудебных экспертиз или рецензий (письменное заключение, справка, разъяснения, данные другим(и) специалистом(ами) вне рамок судопроизводства, относительно корректности применения специальных методов исследования и правильности выводов судебного эксперта¹⁴)¹⁵. Вместе с тем есть примеры максимального использования специальных знаний, когда суд принимает во внимание результаты

С. 447–452 ; Федотов И. Оценка заключения и показаний эксперта, заключения и показаний специалиста как доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2014. № 3. С. 107–114 ; Он же. Заключение и показания специалиста: вопросы совершенствования законодательства и правоприменительной практики // Уголовное право. 2014. № 3. С. 127–143 ; Чекулаев Е. Экспертиза и исследование на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении в аспекте Федерального закона № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2 (2). С. 223–234.

⁸ Сергеева О. С. Указ. соч. ; Сидоренко О. В. Указ. соч. ; Пьянзина Е. В. Указ. соч.

⁹ Хейфец Л. С. Некоторые вопросы привлечения адвокатом специалистов в уголовном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Международной научно-практической конференции, 19–20 января 2017 г. М. : Проспект, 2017. С. 471–477 ; Соловьев С. А. Указ. соч.

¹⁰ Тарасова Ю. Экспертиза: правила оспаривания // ЭЖ-Юрист. № 11 (915). 01.04.2016. С. 13.

¹¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Хейфец Л. С. Указ. соч. ; Соловьев С. А. Указ. соч.

¹³ Федотов И. Оценка заключения и показаний эксперта, заключения и показаний специалиста как доказательств по уголовному делу ; Он же. Заключение и показания специалиста: вопросы совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

¹⁴ Определение автора.

¹⁵ См.: апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.05.2017 № 53-АПУ17-6 // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-31/statja-307> (дата обращения: 21.05.2019) ; определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 557-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юрьева Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 307 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-31/statja-307> (дата обращения: 21.05.2019) ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.03.2017 № 81-АПУ17-2 // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-31/statja-307> (дата обращения: 21.07.2019) ; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.10.2016 № 56-АПУ16-

несудебных заключений специалистов, а также рецензии на результаты судебной экспертизы или результаты несудебной экспертизы при вынесении решений, связанных с возмещением материального ущерба в крупных размерах¹⁶.

Отдельно проблему несоответствия меры несения уголовной ответственности и прав и обязанностей специалиста исследовал Е. А. Семенов¹⁷, который отметил необходимость урегулирования данного вопроса (однако он не рассматривал причин такого положения дел).

Таким образом, тема взаимодействия специалиста с иными участниками судопроизводства являлась предметом изучения в российском праве на протяжении почти 18 лет. Срок достаточно длительный в условиях развития современного судопроизводства. Однако без должного внимания остались вопросы: 1) о причинах существования правовой асимметрии на протяжении 18 лет (законодательная инертность?); 2) о степени актуальности анализа данной ситуации в свете происходящих процессов в российском судопроизводстве. В совокупности эти вопросы определили актуальность темы исследования.

Методология. Для исследования данных проблем применяется комплекс методов, как теоретических (формальная логика), так и эмпирических (обзор законодательных источников с целью выяснения объема прав и обязанностей сведущих лиц в уголовном процессе для сопоставления их прав и обязанностей на разных этапах судопроизводства; сравнение степени адекватности и корректности прав и обязанностей с мерой несения ими уголовной ответственности). Применяется также комплексная методика, состоящая из контекстуального анализа, семантического и формально-логического метода. Контекстуальный метод актуализирует семантический анализ основных понятий, имеющих юридическое значение и применяемых для обозначения

форм специальных знаний, с целью уточнения их содержания; формально-логический анализ (в рамках философской логики) осуществляется для получения выводов исследования.

Соответственно, фокус исследования направляется: на первом этапе — на исследование системных явлений, определяющих стандарты процессуального функционирования специальных знаний; на втором этапе — на поиск аргументов, говорящих о необходимости либо сохранения этого положения, либо преодоления данного явления как препятствующего развитию института доказательств.

Синхронизация институтов процессуального права

При исследовании условий применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве выявилась системная проблема, которая охватывает несколько институтов уголовного процесса, определяющих статус и основные процессуальные функции сведущих лиц, а также алгоритм их процессуального взаимодействия с иными участниками судопроизводства (следователем, дознавателем, защитником, свидетелями, потерпевшим, подозреваемым (обвиняемым) и судом). Так, в контексте темы исследования выделились следующие институты: иные участники уголовного судопроизводства (гл. 8, ст. 57, 58 УПК РФ); доказательства в уголовном судопроизводстве (гл. 10, ст. 74, 80 УПК РФ); предварительное следствие (гл. 22, ст. 168 УПК РФ); производство судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ); общие условия судебного разбирательства (гл. 35, ст. 251 УПК РФ); подготовительная часть судебного заседания (гл. 36, ст. 268, 270 УПК РФ), а также институт уголовного права, связанный с осуществлением правосудия, — институт преступлений против правосудия (гл. 31, ст. 307 УК РФ¹⁸).

19СП // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-31/statja-307> (дата обращения: 27.07.2019) ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.04.2017 № 88-АПУ17-3 // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-31/statja-307> (дата обращения: 27.07.2019) ; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26.04.2017 № 88-АПУ17 // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-31/statja-307> (дата обращения: 27.07.2019).

¹⁶ Например, это можно увидеть в материалах дела, рассмотренного Северским районным судом Краснодарского края. См.: решение № 2-1283/2019 2-1283/2019~М-366/2019 М-366/2019 от 29.04.2019 по делу № 2-1283/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CljYzBIsK2ZL/> (дата обращения: 03.11.2019).

¹⁷ Семенов Е. А. Указ. соч.

¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

При синхронизации данных институтов в контексте темы исследования выявилось несколько аспектов, касающихся: 1) несоответствия процессуального статуса сведущего лица (прав и обязанностей специалиста) объему его процессуальных функций, выраженного прежде всего в запутанной процедуре принятия заключения специалиста в качестве источника доказательства; 2) несбалансированности процессуального статуса источников доказательства (заключения специалиста и его разъяснений, пояснений и консультаций); 3) несбалансированности меры несения уголовной ответственности специалистом в соответствии с его процессуальным статусом. Это подчеркнуло необходимость рассмотрения проблемы функционирования специальных знаний в уголовном процессе как системного явления в нескольких направлениях: в регулировании данного процесса нормами процессуального права; в соотношении процессуальных норм, регулирующих права и обязанности сведущих лиц, с нормами уголовного права (по критерию ответственности); в связанности форм специальных знаний, используемых в УПК РФ и УК РФ, с общепринятыми определениями, принятыми в философских, гуманитарных и социально-правовых науках. Соответственно, для раскрытия системных аспектов данной проблемы на первом этапе акцентируется внимание на процессуальном статусе сведущих лиц, главным образом на их правах и обязанностях; на втором этапе происходит синхронизация институтов процессуального и уголовного права, регулирующих правоотношения участников судопроизводства; на заключительном

этапе исследуются определения, используемые при даче заключения судебной экспертизы и в заключении специалиста.

Регламентация процессуальных прав сведущих лиц

Процессуалисты давно обращаются к проблеме недостаточной разработанности процессуального взаимодействия специалиста в случае реализации его процессуальных прав со следователем, дознавателем и судом. Как показал обзор уголовных дел (всего автором выбрано и рассмотрено 20 дел за 2017–2019 гг.), суд, как правило, не принимает во внимание представление иных документов, кроме заключений судебной экспертизы.

Чем это обусловлено? На основе исследования материалов дел и исходя из интервью с сотрудниками правоохранительных органов¹⁹ можно отметить, что причина носит субъективный характер. В их представлении функции специалиста ограничиваются главным образом помощью технического характера, и они относятся к консультациям специалиста как к вспомогательному средству при исследовании обстоятельств дела²⁰ на всех стадиях судопроизводства (по вопросам применения специальных знаний). Это, как представляется, значительно сужает поле применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

На данную проблему косвенно указывалось в различных контекстах, практически с момента введения специалиста в уголовный процесс. Больше всего исследователи обращали внима-

¹⁹ Опрошено 12 человек. Интервью со следователем ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю лейтенантом юстиции В. А. Г. (записано: март, 2018); следователем ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю С. М. З. (записано: апрель 2019 г.); бывшим следователем СК РФ подполковником юстиции в отставке, доцентом кафедры УПП СКФ «РГУП» Г. А. А. (записано в 2017 г.); сотрудником ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю старшим лейтенантом И. И. В. (записано в 2019 г.); сотрудником МЧС следователем-криминалистом Н. Н. П. (записано в 2020 г.); младшим лейтенантом, следователем ОВД по Ханты-Мансийскому округу Д. В. К. (записано в апреле 2021 г.); магистрантами СКФ «РГУП», являющимися действующими сотрудниками СК РФ по Краснодарскому краю: помощником следователя К. М. А.; помощником следователя С. С. А. (записано в марте 2018 г.); помощником следователя К. А. К. (записано в марте 2021 г.); следователем СК РФ А. М. И. по Астраханской обл. (записано в мае 2018 г.); бывшим сотрудником прокуратуры, полковником юстиции в отставке П. В. В. (записано в марте 2017 г.), г. Краснодар; судьей в почетной отставке А. Н. К. (записано по результатам нескольких интервью и бесед, состоявшихся с 2016 по 2019 гг.).

²⁰ В результате интервью было выяснено, что разъяснения, консультации, пояснения специалиста и его рассуждения не воспринимаются как юридически значимая информация. Выяснилось также, что сотрудники правоохранительных органов не считают специалиста равным судебному эксперту (примечание автора).

ние на формальные аспекты уголовно-процессуального права — несбалансированность его полномочий и обязанностей. Так, А. А. Давлетов²¹ одним из первых обратил внимание на отсутствие регламента привлечения специалиста: 1) для постановки вопросов перед судебным экспертом; 2) для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Действительно, в ст. 168 и 270 УПК РФ ничего конкретно об этом не сказано, возможно, потому, что в этом нет необходимости. Как показала практика, содержание вопросов постоянно корректируется обеими сторонами, в силу процессного характера формирования юридически значимых знаний. Например, это можно увидеть в материалах уголовного дела № 1-86/2018: «Из заключения эксперта № 1 следует, что экспертиза проведена с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ экспертом Л. ...Экспертом были даны ответы на поставленные следователем в постановлении о назначении экспертизы вопросы. Данные вопросы были переформулированы в соответствии с методическими рекомендациями, изложенными в Методике проведения судебно-лингвистической экспертизы по делам об оскорблении»²². Вопросы потребности в объеме и направленности специальной информации решаются в условиях судопроизводства совместно, в ходе обсуждения дознавателем, следователем, судом со сведущими лицами условий применения специальных знаний в виде заключения специалиста и его показаний на допросе или заключения судебной экспертизы и показаний судебного эксперта²³. И данный процесс трудно поддается процессуальной рационализации — формализации, так как постановка вопросов судебному эксперту — это творческий и интеллектуальный процесс, не исключающий случайных моментов, исходящих как со стороны следователя, дознавателя, суда, должностного лица в административном процессе, так и со стороны специалиста и судебного эксперта. Даже тщательная регламентация, как представляется, не способна предусмотреть все разнообразие взаимодействия субъектов экспертизы в какой-либо нештатной ситуации. Поэтому определение общего направления

взаимодействия юристов со специалистом и судебным экспертом, полагаем, выглядит в условиях судопроизводства более актуально, чем излишняя детализация их взаимодействия с судом, следователем, дознавателем, должностным лицом в административном процессе.

Более существенную проблему регламентации взаимодействия субъектов экспертной деятельности с должностными лицами, имеющими право назначать судебную экспертизу, обозначил С. А. Соловьев²⁴. Дело касается реализации прав защитника на привлечение специалиста по своему усмотрению (ст. 53 УПК РФ). С. А. Соловьев на основе опыта профессиональной адвокатской деятельности делает вывод о проблематичности привлечения специалиста со стороны защиты. Действительно, в уголовном (и гражданском) процессе данный порядок не установлен, хотя в правах защитника указывается о возможности привлечения специалиста (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), но только посредством удовлетворения (или неудовлетворения) следователем, дознавателем, судом его ходатайства о привлечении конкретного специалиста. Таким образом, право назначения определенного специалиста или судебного эксперта закреплено только со стороны обвинения и суда в ч. 1 ст. 168, ст. 270 УПК РФ, что соответствует концепции публичного судопроизводства.

На основе сказанного можно сделать вывод, что наблюдаемая проблема асимметрии прав, обязанностей и функций специалиста мере несения ответственности может быть определена процессуальной необходимостью, однако с этой стороной обозначенной проблемы следует разобраться более подробно.

Состязательность специальных знаний в уголовном процессе: проблемы и противоречия

Законодатель в целях объективизации специальной информации, циркулирующей в судопроизводстве, усилил состязательность специальных знаний в нескольких аспектах. Например, это хорошо видно в гражданском и административном судопроизводстве. Так, в решении Совет-

²¹ Давлетов А. А. Указ. соч.

²² Приговор Кабанского районного суда (Республика Бурятия) № 1-17/2019 1-303/2018 от 29.04.2019 по делу № 1-86/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RNrJEos5jeWq/> (дата обращения: 03.11.2019).

²³ В этом случае должностные лица компетентны в институте доказательства, а специалист и судебный эксперт — в сфере специальных знаний.

²⁴ Соловьев С. А. Указ. соч.

ского районного суда г. Махачкалы (Республика Дагестан) № 2-1902/2019 2-1902/2019~М-813/2019 М-813/2019 от 29.04.2019 по делу № 2-1902/2019²⁵ можно наблюдать состязательность судебных и несудебных экспертиз со стороны истца и ответчика. Согласно опубликованным материалам дела, разница в оценке материального ущерба составила почти 57 тыс. руб. Суд отдал предпочтение результатам судебной экспертизы по причине всесторонности исследования, а также на основании подписи судебного эксперта о несении им уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ. То же самое стремление к состязательности специальных знаний можно увидеть в деле о страховом возмещении (решение Северского районного суда (Краснодарский край) № 2-628/2019 2-628/2019~М-227/2019 М-227/2019 от 29.04.2019 по делу № 2-628/2019²⁶), в котором суд рассматривал в качестве источников доказательств *результаты судебной экспертизы, выводы несудебного эксперта, а также рецензию на результаты экспертиз.*

В уголовном судопроизводстве тенденция состязательности специальных знаний менее выражена, так как предпочтение отдается результатам судебной экспертизы. Однако уже только упоминание в материалах дела о фигурировании результатов несудебных экспертиз, а также рецензий является, как представляется, положительным моментом в процессе развития института состязательности специальных знаний.

Исходя из этого, можно отметить, что в целом в судебной практике усиливается состязательность доказательств, которая выразилась в следующих аспектах.

В первую очередь она выразилась на уровне субъектов судебно-экспертной деятельности — это состязательность между судебным специалистом²⁷ и судебным экспертом (личностные свойства и характеристики: их умения, навыки, способности, мировоззрение, волевые качества и интеллектуальный уровень (эрудиция и прочие необходимые в профессиональной деятельности качества)).

Причем состязательность специальных знаний в рамках уголовного процесса наблюдается также между судебным экспертом, судебным специалистом и несудебными внешними рецензентами (участие последнего не может быть исключено, когда иной специалист, которого привлекает защитник, согласно ст. 53 УПК РФ гипотетически может дать разъяснения, пояснения и даже рецензию на заключение судебной экспертизы или заключение специалиста).

Конкуренция специальных знаний, актуальных в уголовном судопроизводстве, косвенно проявляется в противоречиях:

- между социальным статусом специалиста и судебного эксперта по следующим критериям: принадлежность к профессиональному научному сообществу, наличие ученых званий и степеней;
- между социально-экономическим статусом специалиста и судебного эксперта (сотрудник государственного экспертного учреждения, сотрудник государственного неэкспертного учреждения, сотрудник негосударственного экспертного учреждения, частное лицо);
- в степени социализации личности (состоит ли сведущее лицо на учете в профессиональном реестре²⁸, например саморегули-

²⁵ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dSjmLoCOLBY5/> (дата обращения: 01.11.2019).

²⁶ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CljYzBlSk2ZL/> (дата обращения: 03.11.2019).

²⁷ Судебный специалист — рабочее определение данного исследования, означает то же, что и специалист, назначенный следователем, дознавателем, судом, должностным лицом в административном процессе для дачи заключения специалиста, дачи показаний и консультаций в судопроизводстве. Применяется с целью разграничения понятий «специалист, который назначается следователем, судом, должностным лицом в административном процессе» и «специалист, который может привлекаться стороной защиты в качестве рецензента, которого суд, следователь, дознаватель, должностное лицо в административном процессе не назначают официально в качестве специалиста (рецензента)».

²⁸ Например, типичной является оценка личности эксперта. Из заключения эксперта № 1 следует, что экспертиза проведена с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ экспертом Л., имеющей высшее образование по специальности «Филология» и аттестацию на право самостоятельного производства судебной лингвистической экспертизы по специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», стаж экспертной работы по указанной специальности с 2014 года. См.: приговор Кабанского районного суда (Республика Бурятия) № 1-17/2019 1-303/2018 от 29.04.2019 по делу № 1-86/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RNrJEos5jeWq/> (дата обращения: 03.11.2019).

руемой организации судебных экспертов, в иных общественных профессиональных организациях);

- между степенью интегрированности судебного эксперта и специалиста в судебную практику (количество фактов их участия в судебном процессе, что учитывается при назначении судебного эксперта и специалиста).

Состязательность наблюдается в сфере процессуальных функций специалиста и судебного эксперта:

- между процессуально обусловленными действиями — результатами судебной экспертизы и заключением специалиста;
- между формами специальных знаний (критерий — уровень компетенции сведущих лиц): научными выводами эксперта²⁹ и умозаключением специалиста; показаниями эксперта — *пояснением* и показаниями специалиста — *его мнением*.

В этом случае возникают вопросы об определении юридической значимости результатов судебной экспертизы и результатов заключения судебного специалиста. Что для уголовного судопроизводства является приоритетным и какие формы специальных знаний наиболее приемлемы в условиях судопроизводства в качестве доказательств? Это следует выяснить.

На первом этапе необходимо провести сравнительный анализ процессуальных прав и обязанностей судебного эксперта и специалиста

со ссылкой на установленные законодателем источники доказательств (ст. 74 УПК РФ).

Процессуальный статус «иных участников» уголовного судопроизводства законодателем определен в основном в гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства»: статус судебного эксперта установлен в ст. 57 УПК РФ, специалиста — в ст. 58 УПК РФ. В статье 80 «Заключение и показания эксперта и специалиста» УПК РФ указаны разные статьи, регламентирующие деятельность этих самостоятельных участников судопроизводства. При исследовании данных статей (в отношении прав, обязанностей и процессуальных функций) предпочтений не прослеживается (ч. 3 ст. 57, ч. 3 ст. 58 УПК РФ). Таким образом, при сопоставлении содержания статей, исходя из критериев *объем процессуальных функций; процессуальные права и обязанности*, можно отметить, что в данном направлении у данных участников судопроизводства наблюдается симметричность.

Далее следует обратиться к ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в которой указано, что в качестве доказательства допускаются также заключение и показания специалиста. Однако, как указано в ч. 2 ст. 80 УПК РФ, показания судебного эксперта (сведения относительно заключения) должны соотноситься с требованиями ст. 205 и 282 УПК РФ. В части 4 ст. 80 УПК РФ указывается, что показания специалиста обозначаются как сведения в виде *мнения*³⁰ об обстоятельствах, требующих специальных знаний, в соответствии с

²⁹ См.: приговор Братского городского суда (Иркутская область) № 1-180/2019 от 25.04.2019 по делу № 1-180/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RNrJEos5jeWq/> (дата обращения: 02.11.2019). В приговоре сказано: «Доказательства по делу, с учетом того, что они мотивированы, непротиворечивы, даны на основе *специальных научных познаний*, при этом эксперты предупредились об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных заключений».

См. также решение Северского районного суда (Краснодарский край) № 2-628/2019 2-628/2019~М-227/2019 М-227/2019 от 29.04.2019 по делу № 2-628/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CljYzBIsK2ZL/> (дата обращения: 03.11.2019). В решении сказано следующее: «Доказательств неверного определения причиненных транспортному средству повреждений или завышения в экспертном заключении от 26.04.2019 стоимости его восстановительного ремонта, и тем самым недостоверности его результатов, не представлено, при этом мотивировано и выполнено квалифицированным экспертом, предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, с применением нормативно-правовой базы, *а также научно-методической литературы*, в связи с чем принимается за основу при определении причиненного потерпевшему ущерба, и оценивается наряду с другими доказательствами и обстоятельствами дела».

³⁰ Симптоматично, что в Национальной юридической энциклопедии не дается определения понятий «мнение специалиста» и «суждение специалиста». См.: Национальная юридическая энциклопедия // URL: <https://determiner.ru/search> (дата обращения: 10.01.2020). В этой связи следует обратиться к философской логике. В ней *мнение* в большинстве случаев противопоставляется точному знанию. Так, согласно Аристотелю, мнение является знанием, которое может быть дискурсивным или непосредственно интуитивным. Точное знание (эпистема) исходит из необходимых посылок, а мнение (докса) носит

требованиями ст. 53, 168 и 271 УПК РФ. В этом уже прослеживается некоторый дисбаланс. Для уточнения данного обстоятельства следует рассмотреть выявленные противоречия более подробно.

Действительно, если по формальным критериям (процессуальный статус, процессуальные функции, права, обязанности) не установлена приоритетность доказательств, то, может быть, следует обратиться к содержанию определенных, данных в законодательстве?

В этой связи следует уточнить определения «специалист» и предлагаемое нами «судебный специалист».

Как представляется, следуя логике института ответственности (преступления против правосудия), применяемое в данном исследовании определение «судебный специалист» более точное, чем просто определение «специалист». Это подчеркивает самостоятельный процессуальный статус участника судопроизводства, имеющего отличные от иных (несудебных) специалистов права и обязанности, а также имеющего отличия от процессуального статуса судебного эксперта (это подтверждается содержанием ст. 307 УК РФ и судебной практикой, где несение уголовной ответственности судебным экспертом воспринимается в качестве аргумента допустимости и достоверности его выводов³¹).

Понятия «эксперт» и «специалист» в контексте судебно-экспертной деятельности близки по своему содержанию, так как судебный эксперт и является специалистом в определенной области знаний. Однако понятие «эксперт» имеет в общественном сознании особое значение, в отличие от понятия «специалист». Эксперт — это «дока», авторитетная личность, получившая высокую оценку своей профессиональной компетентности от окружающих — коллег или иных лиц (заказчиков экспертизы), имевших отношение к предмету экспертизы. Эксперт — значит владеющий максимальным объемом профессиональных знаний в определенной области; владеющий научными методами, необходимыми для ис-

следования предмета судебной экспертизы, и обладающий большим опытом в определенной сфере, а также личностными качествами: самостоятельностью, проявляющейся как в объективной оценке полученных результатов — новых знаний, так и в отстаивании своей позиции. Однако при исследовании процессуальных функций специалиста можно говорить о том, что и специалист, судя по разнообразию обязанностей (ст. 58 УПК РФ), должен быть экспертом, поскольку его участие в процессе (в случае назначения некоторых видов частных экспертиз, например судебно-искусствоведческой экспертизы) даже более разнообразно, чем у судебного эксперта. Он должен обладать не менее глубокими специальными знаниями и профессиональным опытом, чем эксперт (как представляется, при эффективном участии компетентного специалиста необходимость в судебной экспертизе может и вовсе отпасть). Это, в свою очередь, подчеркивает необходимость выравнивания процессуального статуса специалиста по сравнению с положением эксперта, с учетом функций специалиста и меры несения им уголовной ответственности, поскольку, как показывает практика, несение уголовной ответственности сведущим лицом является в некоторых случаях гарантией достоверности представленных сведений. Например, это можно увидеть в материалах дела, рассмотренного Первомайским районным судом г. Ростова-на-Дону: «Оценивая результаты проведенной судебной экспертизы и предыдущих экспертных (оценочных) исследований, в соответствии со ст. 86 ГПК РФ, суд приходит к выводу о том, что результаты оценочных исследований, представленных сторонами, не могут быть приняты судом, поскольку оценки при проведении исследований *не были предупреждены об уголовной ответственности* по ст. 307 УК РФ. При этом представленное экспертом <...> экспертное заключение получено с соблюдением процедуры, обеспечивающей ответственность эксперта за результаты исследования, вызвало у суда большее доверие, нежели другие данные, добытые

вероятностный характер. См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009; Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/> (дата обращения: 10.01.2020).

³¹ См.: приговор Братского городского суда (Иркутская область) № 1-180/2019 от 25.04.2019 по делу № 1-180/2019 // URL: sudact.ru/regular/doc/RNrJEos5jeWq/ (дата обращения: 04.11.2019).

сторонами в своих интересах без соблюдения предписанной процедуры»³².

Исходя из этого, можно отметить, что специалист и судебный эксперт, в принципе, являются равными носителями специальных знаний с точки зрения профессиональной компетентности, что нашло отражение в процессуальных функциях сведущих лиц (и в этом направлении искомое процессуальное равновесие прослеживается). Вместе с тем наблюдаются различия в степени ответственности специалиста и судебного эксперта, как можно предположить, за *качество* предоставляемой информации: в виде заключения, выводов, суждений, сведений — показаний, мнения и консультаций. Так, судебный эксперт, согласно ст. 307 УК РФ, несет уголовную ответственность за заведомо ложное заключение и за ложные показания, а специалист, как указано там же, — только за заведомо ложные показания, что подчеркивает необходимость исследования содержания форм специальных знаний, установленных в Уголовно-процессуальном кодексе и Уголовном кодексе РФ.

Формы и содержание специальных знаний, применяемых в судопроизводстве

Для исследования определений, применимых в отношении форм специальных знаний, необходимо обратиться к академическим справочным источникам, раскрывающим содержание используемых в УПК РФ и УК РФ понятий и определений видов и форм знаний (выводов, суждений, мнения, пояснений), которые, возможно, разъяснят асимметричную меру уголовной ответственности специалиста и эксперта.

Мнение, как указано в энциклопедиях³³, не подлежит фактологической проверке, в отличие от факта, который в результате верификации может быть подтвержден или опровергнут. Вместе с тем если какое-либо мнение основано на фактах, то данное высказывание может быть аргументом или доводом, то есть одним из звеньев в системе суждения (или доказывания). Можно предположить, что данное обстоятельство объясняет введение в качестве источника доказательств заключения

специалиста пункта 3.1 ст. 74 УПК РФ, то есть его суждений. Мнения, как правило, противопоставляются факту по критерию объективной действительности — факту-событию, действительно произошедшему в окружающей реальности в определенное время, в определенном месте, состоявшемуся благодаря конкретным участникам происшествия, а также по критерию результатов произошедшего события, изменившихся или не изменивших окружающую действительность. Тем самым подчеркивается единичность и неизменность факта.

Мнение на самом деле есть объяснение данного факта в словесном выражении субъекта или выражение отношения к нему, а также субъективная оценка события в форме какого-либо высказывания. В отличие от фактов, которые являются неизменными, мнения могут изменяться под влиянием различных факторов, в том числе по настроению, под воздействием эмоций, состояния здоровья и психики, а также доводов (в том числе психологического давления или внушения) со стороны, то есть аргументов, которые в условиях судопроизводства обязательно должны быть донесены сторонами либо подтверждены доказательствами.

Если исходить из семантического содержания употребляемых в судопроизводстве понятий и следовать логике текстов УПК РФ и УК РФ, то получается, что судебный эксперт несет ответственность за достоверность (ложность) нового знания (то есть точного или вероятностного знания, полученного в результате научного исследования предмета судебной экспертизы), а специалист несет ответственность за ложное мнение (то есть промежуточную стадию исследования предмета доказывания), по сути, за ложное отношение и ложную оценку обстоятельств, которые стали известны ему в ходе участия в предварительном следствии и во время судебного следствия. Как указано в ст. 307 УК РФ, специалист несет уголовную ответственность только за свои ложные показания, данные на допросе, а не за весь объем исходящей от него информации, например его заключение, которое должно содержать аргументы и обоснования.

Выходит, что специалист практически является источником специальной информации как

³² См.: решение Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) № 2-1283/2019 2-1283/2019~М-366/2019 М-366/2019 от 29.04.2019 по делу № 2-1283/2019 // URL: / <https://sudact.ru/regular/doc/CljYzBlSk2ZL/> (дата обращения: 01.11.2019).

³³ Национальная юридическая энциклопедия ; Новая философская энциклопедия.

судебный эксперт, а ответственность несет как свидетель³⁴. Представляется, что данное положение противоречит статусу специалиста как самостоятельного профессионального участника уголовного судопроизводства. То же самое наблюдается в отношении судебного эксперта. По сравнению с положением специалиста, он несет уголовную ответственность и за ложные результаты судебной экспертизы, и за ложные показания, то есть за весь объем предоставляемой информации (как эксперт и как свидетель). Это проявляется, с одной стороны, в скрытой дискриминации источников доказательств, например информации, исходящей от специалиста, по сравнению с судебным экспертом, с другой — в признаках «авантажного права», что выражается в установлении объема несения уголовной ответственности специалистом за достоверность представленной им информации по сравнению с судебным экспертом.

Возможно, законодатель намеренно не ввел заключение специалиста в сферу уголовной ответственности? Тогда это противоречит ст. 74 «Доказательства» УПК РФ, где определено, что доказательствами являются любые сведения, устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

Таким образом, судебный эксперт несет уголовную ответственность за заведомо ложные показания — сведения, данные на допросе, и заключение экспертизы, а специалист — за ложное мнение, которое трудно отделить от ошибочной интерпретации, так как мнение по своей сути не является «точным знанием». Представляется, что данная норма материального права носит неоднозначный характер. Неоднозначность проявляется в том, что у специалиста наблюдаются одновременно признаки «авантажного права» (привилегий по сравнению с судебным экспертом по критерию «несение уголовной ответственности»),

с другой — дискриминации (по отношению к признанию в качестве доказательств его суждений, то есть заключения специалиста). В конечном итоге наблюдаются противоречия между закрепленными процессуальными нормами (допустимых видов и форм специальных знаний) и нормами материального права, по сути признающего существенным лишь три четверти от общего объема необходимой специальной информации.

Можно утверждать, что именно в этом заключается причина асимметрии прав, обязанностей и ответственности специалиста.

В этом плане необходимо отметить, следуя логике процессуального алгоритма, что несение уголовной ответственности должно быть у «иных участников судопроизводства» равным, согласно их процессуальным правам и обязанностям.

Могут ли эти обстоятельства повлиять на судопроизводство? И да и нет... Могут, если следователь, дознаватель, суд, должностное лицо в административном процессе обнаружат умысел со стороны специалиста, если мнение и результаты заключения специалиста будут противоречить иным (установленным) доказательствам и это будет препятствовать установлению обстоятельств дела. Однако это можно установить только после получения результатов правонарушения или преступления, при выяснении обстоятельств совершения преступления данным субъектом.

Сложность заключается также в установлении состава преступления, а именно в определении субъективной стороны преступления — виновности специалиста, то есть наличия у него преступного умысла. Если специалист докажет, что он не имел заранее преступного умысла, а результаты преступления или правонарушения говорят об обратном, то доказать виновность специалиста довольно проблематично, о чем и свидетельствует судебная практика³⁵.

³⁴ Комментарии к Уголовному кодексу РФ // URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042018> (дата обращения: 10.05.2020).

³⁵ При исследовании судебной практики по ст. 307 УК РФ в отношении судебного специалиста возникли значительные затруднения. Это говорит о редкости данных случаев или невозможности установления состава преступления у специалиста. См.: Судебная практика и законодательство. УК РФ. Статья 307 «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-31/statja-307> (дата обращения: 21.05.2019); Судебная практика по ст. 307 УК РФ // URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042018-n-302-kg18-4133-po-delu-n-a33-3917201> (дата обращения: 21.05.2019); Судебная практика по ст. 307 УК РФ // URL: <https://advokat15ak.ru/> (дата обращения: 21.05.2019). В основном уголовные дела возбуждаются в отношении свидетелей. В этом плане симптоматичен приговор Советско-

Специалист может заявить о том, что он искренне высказал свое личное (хотя и ошибочное) мнение, которое не является, по сути, точным знанием, а соответственно, может быть априори необъективным или ошибочным (по сути, ложным). Следует отметить, что неточность формулировки в ст. 307 УК РФ может повлечь конфликтные последствия, вызванные асимметрией прав и ответственности судебного специалиста и судебного эксперта в процессе развития уголовного судопроизводства.

Заключение

На основе исследования комплекса проблем, связанных с функционированием специальных знаний в судопроизводстве, можно отметить следующее.

Выявленные признаки асимметрии права связаны с двойственностью положения специалиста, что приводит к неравновесности специальных знаний, функционирующих в уголовном судопроизводстве.

Двойственность положения специалиста, проявляющаяся в наличии признаков скрытой дискриминации источников доказательств в виде признания несущественными суждений (заключения) специалиста, а также наличия признаков «авантажного права» в рамках Уголовного кодекса РФ, в частности несения уголовной ответственности специалистом только за дачу ложных пояснений на допросе, а не за дачу заключения, в отличие от судебного эксперта, который несет уголовную ответственность за результаты судебной экспертизы и дачу показаний на допросе, обосновывает необходимость разработки механизма привлечения специалиста к уголовной ответственности.

На основе этого предлагается:

- 1) уточнить процессуальный статус специалиста, а именно добавить определение «судебный специалист» в ст. 58, 61, 71, 74, 80, 164, 168, 251, 270, 271 УПК РФ;
- 2) уточнить процессуальный статус заключения специалиста согласно ст. 74, 80 УПК РФ, а именно скорректировать положение о заключении специалиста путем уточнения гносеологического аспекта исследовательских

функций специалиста. Поскольку о заключении специалиста как источнике доказательств в УПК РФ упоминается в ч. 3.1 ст. 74, ст. 80 и ч. 1.2 ст. 144 (исследования специалистом документов, предметов, трупов на досудебной стадии), гл. 19 УПК РФ (поводы и основания возбуждения уголовного дела), то предлагается дополнить текст ч. 1 ст. 144 УПК РФ: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения, в том числе заключение специалиста, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса»;

- 3) ввести норму о несении уголовной ответственности специалистом за ложные результаты исследования — заключения специалиста:

- внести в ст. 58 УПК РФ дополнительную часть 5 по аналогии с ч. 5 ст. 58 УПК РФ, а именно: «За дачу заведомо ложного заключения специалист несет ответственность в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации»;
- скорректировать содержание ст. 307 УК РФ: добавить к тексту «несение уголовной ответственности за данное специалистом заключение».

Это придаст заключению специалиста большую значимость. Создание механизма привлечения к уголовной ответственности судебного специалиста за дачу ложной информации будет способствовать более активному использованию заключения специалиста как источника доказательств.

В целом данные изменения соответствовали бы тенденции, с одной стороны, взаимодействия субъектов доказывания, с другой — состязательности доказательств в уголовном судопроизводстве посредством состязательности специальных знаний в уголовном судопроизводстве в виде заключения специалиста и заключения судебного эксперта.

В случае оставления без изменений положения о заключении специалиста, согласно ч. 3.1 ст. 74, ст. 80, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, исходя из логического и гносеологического критериев, предлагается освободить специалиста от уголовной ответственности за высказанное им мнение (даже если оно заведомо ложное). Полагаем,

го районного суда (Республика Марий Эл) № 1-2-7/2019 от 29.04.2019 в отношении адвоката Лебедевой М. М., склонившей свидетеля к даче ложных сведений // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.11.2019).

что мнение не может приравниваться к ложным показаниям эксперта, то есть сведениям, сформированным исключительно на основе судебной экспертизы как результата применения научных методов исследования и получения нового знания. Новое знание не может приравниваться к простому или сложному мнению специалиста.

Вывод. Наблюдаемая инертность в сфере уголовного законодательства, полагаем, необходима для осознания процесса развития уголовного судопроизводства в современных условиях. Как представляется, данный период необходим для накопления информации (аргументов) для перехода российского судопроиз-

водства на качественно иной уровень — в сторону усиления состязательности сторон.

В целом проблема асимметрии прав и обязанностей специалиста не имеет острого характера. Например, случаев привлечения специалиста к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ на настоящий момент не обнаружено. Однако в силу развития общества (науки, образования, цифровой экономики) и вместе с тем появления новых видов преступлений и субъектов преступления процессуальная роль специалиста значительно повысится. В этой связи актуализация состязательности доказательств (специальных знаний) в уголовном судопроизводстве выглядит своевременной.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байков Ю. Ф. Заключение и показания специалиста как форма использования специальных знаний в состязательном уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 9. — С. 63–70.
2. Давлетов А. А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. — 2003. — № 9. — С. 47–48.
3. Зайцева Е. А. Процессуальный статус специалистов и иных сведущих лиц в современном уголовном судопроизводстве // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2006. — № 3. — С. 77–86.
4. Каторгина И. П. О разграничении судебной экспертизы, предварительных исследований и консультаций специалиста в уголовном судопроизводстве // Научные ведомости. Серия : Философия. Социология. Право. — 2012. — № 20 (139). — Вып. 22. — С. 199–203.
5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 359 с.
6. Орлов Ю. К. Специалист в уголовном процессе // Российская юстиция. — 2004. — № 1. — С. 12–26.
7. Пьянзина Е. В. Проблематика использования справки о предварительном исследовании изъятого вещества в качестве вещественного доказательства по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Государство и право. Юридические науки. Серия : Право. — 2012. — Вып. 31. — С. 65–68.
8. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы: Судебная экспертология : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2016. — 368 с.
9. Семенов Е. А. Специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного показания: упущение законодателя или вызванная необходимость? // Наука и практика. — 2014. — № 3 (60). — С. 92–94.
10. Сергеева О. С. К вопросу о процессуальных полномочиях специалиста в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. — 2016. — Т. 2. — № 4. — С. 105–112.
11. Сидоренко О. В. Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2016. — № 2 (24). — С. 119–122.
12. Соловьев С. А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект // Адвокатская практика. — 2017. — № 4. — С. 17–22.
13. Тарасова Ю. Экспертиза: правила оспаривания // ЭЖ-Юрист. — № 11 (915). — 2016. 1 апр.
14. Толстухина Т. В. Соотношение понятий и статуса «заключение эксперта» и «заключение специалиста» // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Международной научно-практической конференции, 19–20 января 2017 г. — М. : Проспект, 2017. — С. 447–452.
15. Федотов И. Заключение и показания специалиста: вопросы совершенствования законодательства и правоприменительной практики // Вестник ВГУ. Серия : Право. — 2014. — № 1. — С. 127–143.

16. Федотов И. Оценка заключения и показаний эксперта, заключения и показаний специалиста как доказательств по уголовному делу // Уголовное право. — 2014. — № 3. — С. 107–114.
17. Хейфец Л. С. Некоторые вопросы привлечения адвокатом специалистов в уголовном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Международной научно-практической конференции, 19–20 января 2017 г. — М. : Проспект, 2017. — С. 471–477.
18. Чекулаев Е. Экспертиза и исследование на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении в аспекте федерального закона № 23-ФЗ от 04.03.2013 // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 2 (2). — С. 223–234.
19. Юсупкадиева С. Н. К вопросу о назначении судебной экспертизы в досудебном производстве // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Международной научно-практической конференции, 19–20 января 2017 г. — М. : Проспект, 2017. — С. 535–540.

Материал поступил в редакцию 23 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Baikov YuF. Zaklyuchenie i pokazaniya spetsialista kak forma ispolzovaniya spetsialnykh znaniy v sostyazatelnom ugovnom sudoproizvodstve [The conclusion and indications of the expert as the form of use of special knowledge in adversarial criminal legal proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2011;9:63-70. (In Russ.)
2. Davletov AA. Spetsialist v ugovnom protsesse: novye vozmozhnosti i problemy [A specialist in criminal proceedings: new opportunities and problems]. *Russian Justicia*. 2003;9:47-48. (In Russ.)
3. Zaitseva EA. Protsessualnyy status spetsialistov i inykh svedushchikh lits v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve [The procedural status of specialists and other knowledgeable persons in modern criminal proceedings]. *Black Holes in Russian Legislation*. 2006;3:77-86. (In Russ.)
4. Katorgina IP. o razgranichenii sudebnoy ekspertizy, predvaritelnykh issledovaniy i konsultatsiy spetsialista v ugovnom sudoproizvodstve [Differentiation of forensics, preliminary examinations and consultations in criminal proceedings]. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2012;20(139)22:199-203. (In Russ.)
5. Lazareva VA. Dokazyvanie v ugovnom protsesse : uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [Proving in criminal proceedings: a textbook for undergraduate and graduate programs]. 5th ed. Moscow: Yurayt Publ.; 2014. (In Russ.)
6. Orlov YuK. Spetsialist v ugovnom protsesse [A Specialist in criminal procedure]. *Russian Justicia*. 2004;1:12-26. (In Russ.)
7. Pyanzina EV. problematika ispolzovaniya spravki o predvaritelnom issledovanii izyatogo veshchestva v kachestve veshchestvennogo dokazatelstva po ugovnym delam, svyazannym s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh prekursorov [The problem of using a certificate of preliminary investigation of a seized substance as material evidence in criminal cases related to the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors]. *The State and Law. Legal Sciences. Series: Law*. 2012;31:65-68. (In Russ.)
8. Rossinskaya ER, Galyashina EI, Zinin AM. Teoriya sudebnoy ekspertologii [Theory of forensic expertology]. Issue 2. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.)
9. Semenov EA. Spetsialist ne preduprezhdaetsya ob ugovnoy otvetstvennosti za dachu zavedomo lozhnogo pokazaniya: upushchenie zakonodatelya ili vyzvannaya neobkhodimost? [The specialist is not warned about the criminal liability for knowingly giving false testimony: omission of the legislator or caused necessity?]. *Science and Practice*. 2014;3(60):92-94. (In Russ.)
10. Sergeeva OS. K voprosu o protsessualnykh polnomochiyakh spetsialista v ugovnom sudoproizvodstve [On the issue of procedural powers of the specialist in criminal proceedings]. *Juridical Journal of Samara University*. 2016;2(4):105-112. (In Russ.)
11. Sidorenko OV. Naznachenie i proizvodstvo sudebnykh ekspertiz na stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela [Appointment and production of forensic examinations at the stage of initiation of a criminal case]. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2016;2(24):119-122. (In Russ.)

12. Soloviev SA. predely sudebnogo usmotreniya pri otsenke zaklyucheniya eksperta i mneniya spetsialista: gnoseologicheskiy aspekt [Limits of judicial discretion at evaluation of expert findings and specialist opinion: gnoseological aspect]. *Advocate's Practice*. 2017;4:17-22. (In Russ.)
13. Tarasova Yu. Ekspertiza: pravila osparivaniya [Expertise: Rules of Contestation]. *Economy and Life*. 2016;12(9628). (In Russ.)
14. Tolstukhina TV. Sootnoshenie ponyatiy i statusa «zaklyuchenie eksperta» i «zaklyuchenie spetsialista» [The relationship between the concepts and status of “expert opinion” and “expert opinion”]. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference “Theory and Practice of Forensic Science in Modern Conditions” (Moscow, January 19–20, 2017). Moscow: Prospect Publ.; 2017. (In Russ.)
15. Fedotov I. Zaklyuchenie i pokazaniya spetsialista: voprosy sovershenstvovaniya zakonodatelstva i pravoprimeritelnoy praktiki [The conclusion and testimony of a specialist: issues of improving legislation and law enforcement practice]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2014;1:127-143. (In Russ.)
16. Fedotov I. Otsenka zaklyucheniya i pokazaniy eksperta, zaklyucheniya i pokazaniy spetsialista kak dokazatelstv po ugolovnomu delu [Assessment of the conclusion and testimony of an expert, the conclusion and testimony of a specialist as evidence in a criminal case]. *Criminal Law*. 2014;3:107-114. (In Russ.)
17. Kheifets LS. Nekotorye voprosy privlecheniya advokatom spetsialistov v ugolovnom sudoproizvodstve [Some issues of attorney’s involvement in criminal proceedings]. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference «Theory and Practice of Forensic Science in Modern Conditions” (Moscow, January 19–20, 2017). Moscow: Prospect Publ.; 2017. (In Russ.)
18. Chekulaev E. Ekspertiza i issledovanie na stadii predvaritelnoy proverki soobshcheniya o prestuplenii v aspekte federalnogo zakona № 23-FZ ot 04.03.2013 g. [Expertise and research at the stage of preliminary verification of a crime report in the aspect of Federal Law No. 23-F3 of 03/04/2013]. *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2013;2(2):223-234. (In Russ.)
19. Yusupkadiyeva SN. K voprosu o naznachenii sudebnoy ekspertizy v dosudebnom proizvodstve [On the appointment of a forensic examination in pre-trial proceedings]. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference “Theory and Practice of Forensic Science in Modern Conditions” (Moscow, January 19–20, 2017). Moscow: Prospect Publ.; 2017. (In Russ.)